



СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ
- В БУНКЕРЕ ФЮРЕРА
- ГЕНЕРАЛИССИМУС НА ЭКРАНЕ
- БЫЛ ЛИ МАРКС ПРЕДТЕЧЕЙ НАЦИЗМА?
- РЕЧЬ СИМОНА ВИЗЕНТАЛЯ
- ЧТО ЗНАЧИТ ИЗМЕНИТЬ РОДИНЕ?
- СМЕРТЬ НАДЕЖДЫ СУРОВЦЕВОЙ
- АДАМ МИХНИК ПИШЕТ ИЗ ТЮРЬМЫ
- ПРИЗРАК ГИТЛЕРА НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ
- БРИГАДА САМОУБИЙЦ
- ВЕСЕЛЫЙ АТТРАКЦИОН В ПАРКЕ ГОРЬКОГО
- ОТ КАЖДОГО ПО СПОСОБНОСТЯМ, КАЖДОМУ — ПО ЧИНУ
- ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРИИ
- ВОСКРЕСЕНИЕ МАЯКОВСКОГО

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), Р.Шапиро (Иерусалим), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов) в США, Канаде и Израиле — 35 ам. долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 45 ам. долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению. Цена одного номера — 6 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам. долл.) Мнение выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
Вести из СССР	14
<i>Б. Шрагин.</i> Девятое мая 1945 года	19
<i>Й. Фест.</i> Последние дни рейха	27
<i>Дж. Уотсон.</i> Братья-близнецы	44
<i>Б. Х.</i> Был ли Маркс предтечей Гитлера?	53
<i>С. Визенталь.</i> Забвение продлевает изгнание	55
Из журналов	57
<i>Б. Вайль.</i> Стоит ли беречь старые раны?	58
<i>Р. Шапиро.</i> Путем естественного отбора	62
Из газет: 50 лет назад; 60 лет назад	67
<i>М. Д.</i> Доходные игры	68
Из газет: 50 лет назад	75
<i>Ю. Карабчиевский.</i> Воскресение Маяковского. Окончание.	76
<i>Ф. Альт.</i> Человек из Назарета — женщина в мужчине	93
<i>Е. Эткинд.</i> Акафист Богородице на французском экране.	95

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.
 Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99; telex 5218017 unbt.
 Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
 Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

Йоахим ФЕСТ (ФРГ)

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕЙХА

Бункер, в котором укрылся Гитлер, был расположен глубоко под территорией сада Имперской канцелярии и заканчивался в конце сада круглой бетонной башней, служившей запасным выходом. В двенадцати помещениях верхнего этажа, так называемого предбункера, разместился обслуживающий персонал, здесь же находились диетическая кухня Гитлера и хозяйственные помещения. Из предбункера винтовая лестница вела вниз в собственный бункер фюрера, который состоял из двадцати комнат. Посредине шел широкий коридор; направо находились комнаты Бормана, Геббельса, врача-эс-совца Штумпфеггера, а также канцелярские помещения; налево — шесть личных комнат Гитлера. Коридор заканчивался дверью, которая вела в большой зал заседаний.

Дневные часы Гитлер обычно проводил у себя. В его гостиной висел большой портрет Фридриха Великого, стоял письменный стол, узкий диван, еще один стол с тремя креслами. Комната без окон, с голыми стенами, производила тягостное впечатление. Но это последнее убежище, эта подземная крепость из бетона, мертвая тишина и электрический свет, несомненно, отвечали характеру Гитлера: изоляция и искусственность его существования нашли здесь свое наиболее адекватное воплощение.

Все свидетели этих последних недель сходятся в своих рассказах о Гитлере: согбенная фигура, серое и как бы погруженное в тень лицо, потухший взгляд, голос, выражающий глубокий упадок сил. Вместо прежней театральной поступи он теперь еле волочил ноги. Казалось, он расплачивается за позерство многих лет. Нередко на его одежде были видны пятна еды, на бескровных губах — крошки печенья. Держа в левой руке очки во время докладов о текущей обстановке, он ронял их на стол, искал ощупью, и тут особенно видно было, как дрожат его руки. Один из офицеров генштаба описывает его так:

”Физически он являл собой ужасное зрелище. Наклонив вперед верхнюю часть туловища, шаркая подошвами, он тащился из своей комнаты в зал заседаний. Когда кто-нибудь останавливал его на этом коротком пути в 20—30 метров, он терял равновесие и хватался за спинку одного из диванов, стоявших вдоль стен, или за собеседника... Глаза его были налиты кровью. Все материалы, которые готовились для него, были перепечатаны на особой пишущей машинке с шрифтом втрое крупней обычного, и все-таки он мог читать их только с помощью сильных очков. Порой из угла рта свешивалась слюна...”

Время спуталось, день и ночь менялись местами. Последнее совещание перед тем, как идти спать, заканчивалось около шести утра.

Но и после этого, лежа в полном изнеможении на диване, Гитлер ожидал прихода секретарш, чтобы продиктовать распоряжения на ближайший день. Когда женщины входили, он с величайшими усилиями поднимался с дивана. ”Пошатываясь, — вспоминала впоследствии одна из них, — он стоял некоторое время перед нами и снова валялся на

кушетку. Слуга поднимал ему ноги повыше. Казалось, его занимала только одна мысль: шоколад и печенье. Его пристрастие к сладкому превратилось в какую-то болезнь. Раньше он съедал три печенья, а теперь ему трижды подавали полную тарелку. С трудом выдавливал он отдельные слова”.

И все же, вопреки стремительно прогрессирующему физическому упадку, Гитлер продолжал руководить операциями; упрямство, подозрительность, фанатическое сознание своей миссии и безудержное своеволие раздували последние искры его энергии. Кто-то из врачей увидел его в середине февраля 1945 года после четырехмесячного перерыва и был поражен его состоянием, ослабевшей памятью и неспособностью длительно концентрировать внимание: время от времени фюрер как бы отключался. Когда вопреки его намерениям Гудериан представил план строительства оборонительных сооружений на Востоке, Гитлер не произнес ни слова и лишь уставился неподвижным взглядом на карту, а затем внезапно и коротко отпустил присутствующих. Было непонятно, что это значит. Но зато спустя несколько дней попытка возразить ему вызвала бешеную вспышку; Гудериан вспоминает: ”Побагровев и весь сотрясаясь, с воздетыми кулаками, он стоял передо мной, совершенно потеряв самообладание. Потом он принялся бегать по краю ковра взад и вперед, время от времени останавливаясь и осыпая меня бранью. Он охрип от крика, глаза вылезли из орбит, на висках пульсировали сосуды”.

Внезапные перемены настроения типичны для тех недель. Гитлер неожиданно смещал многолетних ближайших сотрудников и так же неожиданно приближал к себе других людей. Когда его старый врач Брандт вместе с одним из своих коллег попытался противостоять неограниченному влиянию лейб-медика Мореля, с тем чтобы избавить Гитлера от рокового пристрастия к наркотическим средствам, которые щедро прописывал ему Морель, Гитлер попросту уволил Брандта, а затем велел его казнить. Внезапной опале подверглись Гудериан, Риббентроп, Геринг и многие другие. Временами Гитлер впадал в ступение. С отсутствующим взглядом сидел на диване, машинально глядя пса. В любом препятствии, во всяком отступлении он усматривал измену. Человечество, жаловался он, слишком испорчено, чтобы ему, Гитлеру, имело смысл жить дальше.

В эти дни в полной мере проявилась его постоянная потребность находить утление своей мизантропии в безвкусных издевательствах над окружающими. Женщинам он говорил, что губная помада изготавливается в Париже из помоев. За обедом, если за столом сидел гость, не соблюдавший вегетарианскую диету, Гитлер мрачно шутил, имея в виду кровопускания, назначаемые Морелем: ”Вот возьму и прикажу сделать из моей крови колбасу. И угощу вас! А почему бы и нет? Вы же любите мясо”. Одна из секретарш рассказывала, как он однажды долго жаловался на измену, а потом стал говорить, что будет с государством, когда его не станет: ”Германия останется без руководства. Ведь у меня больше нет преемника. Первый спятил (Гесс), второго не уважают (Геринг), а третьего не хотят партийные круги (Гиммлер), да и вообще это полнейшая бездарность!”

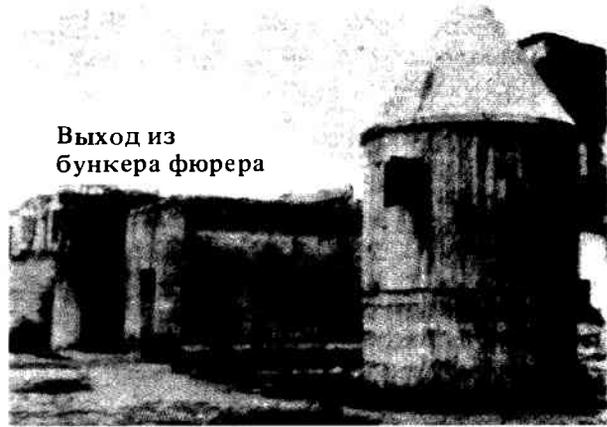
Время от времени ему как будто еще удавалось совладать с собственной пошатнувшейся психикой. Порой он умело прикрывался именем какого-нибудь популярного военачальника. Из протоколов последних совещаний о военном положении видно, как он ловко пользовался любым поводом, любым, даже самым ничтожным успехом, чтобы раздуть его, сделать из мухи слона и в конце концов внушить окружающим надежду. Его собственные амбиции и иллюзии, разумеется, простирались много дальше. С осени сорок четвертого года он начал пополнять убывающие фронтовые части так называемыми народно-гренадерскими дивизиями. Но одновременно был отдан приказ не рас-

формировывать остатки разбитых соединений, а вновь бросать их в бой, чтобы они окончательно истекли кровью. Создавалось впечатление, что несмотря на потери, вооруженные силы Германии продолжают расти. К числу бредовых образов и представлений, рождавшихся в бункере, следует отнести и манипулирование дивизиями, которых вовсе не существовало. Эти дивизии совершали на бумаге наступательные операции, обходные маневры, вступали в решающие сражения и одерживали новые победы.

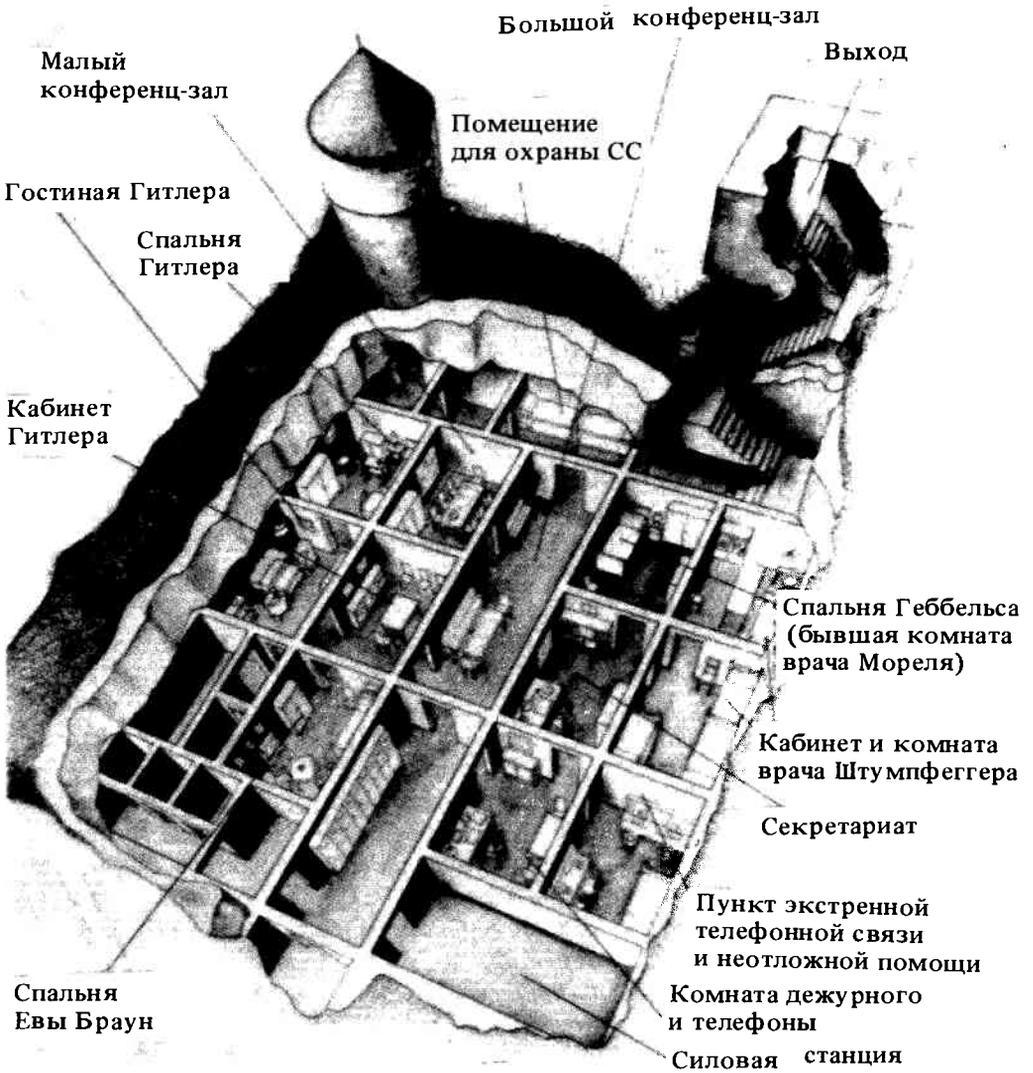
Окружение фюрера продолжало почти беспрекословно следовать ему в этой призрачной игре, основанной на самообмане, сознательном или бессознательном искажении действительности и самом обыкновенном безумии. Склонившись над большим столом, он трясающейся рукой, размашистыми движениями водил по карте. Когда вдали раздавался взрыв снаряда и лампа мигала под потолком, он обводил тревожным взглядом каменные лица стоящих навтыжку офицеров: "Это где-то недалеко!" При всем этом он сохранял свою власть и способность навязать людям свою волю. Правда, признаки разложения уже появились среди приближенных: нарушения дисциплины, отступления от заведенного порядка и этикета, необычные вольности. Когда Гитлер входил в зал заседаний, не все давали себе труд встать, разговоры не прерывались, как прежде. Тем не менее он еще мог в одно мгновение восстановить "порядок". И по-прежнему на этих собраниях царил ирреальная атмосфера придворного общества, усугубляемая тем, что весь этот театр разыгрывался глубоко под землей. По словам одного из участников совещаний, люди испытывали "не только душевное угнетение в этой атмосфере рабелепия, нервозности и непрестанной лжи, но и физическое недомогание. Здесь не было ничего настоящего, только страх". Тем удивительней было то, что Гитлеру все еще удавалось внушить доверие к себе и возбуждать самые несбыточные надежды. Несмотря на бесчисленные ошибки, ложь и прямую абсурдность его заявлений, он сохранял авторитет буквально до последних часов. Можно сказать, что ему удавалось разрушить чувство реальности у всех, кто был при нем и вокруг него. В середине мая в бункер явился гаулейтер Форстер. В отчаянии он сообщил, что 1100 русских танков стоят перед Данцигом, а у вермахта всего лишь четыре "тигра". В передней Форстер сказал, что он совершенно уверен в том, что ему удастся открыть глаза фюреру на безвыходность положения и убедить его "принять разумное решение". После короткой беседы с Гитлером, сообщает тот же рассказчик, Форстер вернулся "неузнаваемо преображенный": оказалось, что фюрер обещал ему новые дивизии, Данциг будет спасен, "und da gibt's nichts zu zweifeln", нет сомнения, что так оно и будет.

Но подобные эпизоды приводили нередко и к противоположному результату. Они показывали, сколь искусственной, зависящей от личных симпатий и антипатий была вся система поведения подручных и персонала из окружения Гитлера. Его подозрительность, принявшая в последние месяцы патологически-гротескную форму, могла бы найти в этом дополнительное подкрепление. Еще до начала наступления в Арденнах он усилил и без того строжайшие предписания секретности еще одной, совершенно необычной мерой: распорядился, чтобы все командующие армиями дали письменное обязательство хранить молчание о готовящихся операциях. Бомбардировочная авиация стала в буквальном смысле жертвой этой мании бдительности. Сформированное из оставшихся резервов крупное соединение в количестве 800 самолетов совершило исключительно удачный рейд, уничтожив в течение считанных часов около тысячи самолетов противника на аэродромах Северной Франции, Бельгии и Голландии и потеряв при этом всего около ста самолетов (операция "Плита"). Однако на обратном пути из-за доведенной до абсурда секретности соединение нарвалось на огонь немецких зенитных батарей и поте-

Внешний вид
и план бункера
в саду Имперской
канцелярии
(Вильгельмштрассе,
ныне улица Гротевоя,
Восточный Берлин)



Выход из
бункера фюрера



ряло свыше двухсот самолетов. Другой пример приводит Гудериан в своих записках. После сдачи Варшавы в конце января Гитлер отдал приказ арестовать командование, виновное, как ему мерещилось, в потере города; Кальтенбруннер и начальник гестапо Мюллер подвергли начальника генерального штаба многочасовому допросу.

Следствием этой подозрительности было то, что он все чаще искал общества своих старых соратников, словно хотел оживить в себе былую напористость, веру и фанатизм. Когда он облек гаулейтеров полномочиями имперских комиссаров обороны, это был акт, подчеркивающий узы старого товарищества. Он вспомнил о Германе Эссере, пятнадцать лет тому назад вставшем в немилость, и поручил ему выступить с речью в Мюнхене 24 февраля в честь 25-летия провозглашения партийной программы; сам он в этот день принял в Берлине депутацию высших партийных чинов. В последний раз Гитлер попытался увлечь слушателей перспективой героической борьбы германцев до последнего человека. "Пусть мои руки дрожат, — воскликнул он, — пусть даже все тело будет охвачено дрожью, но сердце не вздрогнет никогда!"

20 апреля, в день рождения Гитлера, — ему исполнилось 56 лет, — руководство рейха собралось в бункере; это было последнее совещание. Присутствовали Геринг, Геббельс, Гиммлер, Борман, Шпеер, Лей, Риббентроп, а также высшие чины вермахта. За несколько дней до этого неожиданно появилась Ева Браун. Все хорошо понимали, что означает ее прибытие. Во время церемонии приема поздравлений именинник старался поддерживать искусственную бодрость. Он произнес несколько кратких речей, был щедр на похвалы, делился воспоминаниями. В саду Имперской канцелярии, перед фотографиями и операторами, он обошел строй подростков — бойцов отряда гитлеровской молодежи, который должен был выступить навстречу быстро приближавшимся советским армиям. Похлопал детей по щекам, раздал награды. Примерно в это же время были приведены в исполнение последние смертные приговоры по делу о заговоре 20 июля 1944 г.

Прежде Гитлер выражал намерение покинуть Берлин и укрыться в Зальцбургских Альпах, на границе Австрии и Баварии, чтобы продолжать борьбу из "Альпийской крепости". Туда уже отправилась часть персонала. Но накануне дня рождения он заколебался. Геббельс убеждал его остаться и дать последнее, решающее сражение у ворот столицы, если надо — погибнуть под развалинами города героической смертью, которая достойно увенчает его, Гитлера, славное прошлое, подтвердит верность клятвам, будет отвечать его месту в истории; только здесь, в Берлине, твердил Геббельс, можно одержать "всемирно-историческую моральную победу" над врагом. Все остальные участники совещания высказались за то, чтобы оставить фактически уже потерянный город. Можно было воспользоваться для спасения оставшимся узким коридором на юге, пока кольцо вокруг немецкой столицы не сомкнется окончательно. В том, что оно замкнется в ближайшие дни или даже часы, никто уже не сомневался.

Но Гитлер так и не решился бежать. Он лишь приказал назначить южное и северное командование войсками на случай, если Германия окажется рассеченной надвое вражеским наступлением. "Как я смогу воодушевить армию на решающую битву за Берлин, — заявил он, — если укроюсь в безопасном месте!" Под конец он провозгласил, что представляет решение вопроса судьбе.

Уже во второй половине дня начался исход. Гиммлер, Риббентроп, Шпеер и почти все военное командование присоединились к длинным колоннам грузовиков, которые

стояли наготове в течение всего дня 20 апреля. Бледный и потный Геринг распрощался с фюрером, сославшись на "неотложные задачи в Южной Германии". Гитлер смотрел на все еще тучного соратника невидящим взглядом, как смотрят на стену. Можно было догадываться, что паника, охватившая всех вокруг него, уже преопределила в какой-то мере его решение.

Как бы то ни было, он приказал начать всеми имеющимися силами массивную контратаку против русских, уже подошедших к черте города: каждый человек, каждый танк и каждый самолет должны были вступить в бой, малейшее неповиновение подлежало самому жестокому наказанию. Командовать контрнаступлением он поручил обергруппенфюреру СС Штейнеру, но при этом сам распланировал всю операцию, определил исходные рубежи, сформировал для предстоящей гибели дивизии, которых и так уже давно не существовало. Позднее один из участников совещания, оставшийся в живых, высказал предположение, что вновь назначенный на место Гудериана начальник генштаба Кребс предпочитал вообще не информировать Гитлера о реальном положении вещей и лишь для виду занимал его военными играми, щадя иллюзии фюрера, да и нервы всех находившихся в бункере.

Действительно, никаких сведений от Штейнера не поступало. Было ясно, что сделанные Гитлером распоряжения лишь усилили общую путаницу. Красная Армия прорвала внешнее кольцо обороны на севере города. Передовые танковые части устремились в прорыв. Контрнаступление Штейнера вообще не состоялось.

Разразилась буря. После короткого мрачного молчания Гитлер, распалившись до крайности, начал обвинять весь мир: все, все без исключения предали его, продемонстрировали свою трусость и ничтожество. Его голос, за последние месяцы угасший почти до шопота, внезапно обрел былую силу. И пока по лестницам и коридорам, привлеченные шумом, сбегались обитатели подземелья, он кричал об измене. Он осыпал проклятиями армию, твердил о продажности, слабости, лживости: вот уже много лет он не видит вокруг себя никого, кроме предателей и прохвостов. Но теперь пришел конец всему. Он не в силах больше ничего сделать, ему остается только умереть. Здесь, в городе, он будет ждать своей гибели, он будет стоять до конца; кто хочет, пускай отправляется на юг: он никого не удерживает. Он потрясал кулаками, по щекам его струились слезы.

Когда в полном изнеможении он умолк, окружающие вновь, обретая дар речи, стали его уговаривать и упрашивать. Он не желал никого слушать. Нет, он не позволит себя увезти. Даже ставку в Восточной Пруссии ему не следовало покидать.

Безуспешными оказались и телефонные переговоры с Гиммлером и Деницем, пытавшимися убедить фюрера в необходимости эвакуироваться. С Риббентропом он вообще отказался разговаривать. Он повторял, что падет на ступенях Имперской канцелярии. Загипнотизированный этим драматическим видением, он произнес свои заклинания, как утверждает очевидец, десять или двадцать раз. После чего он продиктовал переданное по радио решение лично возглавить оборону столицы и закрыл, наконец, все еще тянувшееся много часов подряд совещание.

Этим, однако, не кончилось. Вернувшись в свои покои, Гитлер вызвал к себе Геббельса и велел ему окончательно перебраться с семьей в бункер фюрера. Затем он принялся собирать личные бумаги. Как всегда, когда он принимал определенное решение, он отдавал приказы сухо, кратко и не мешкая. Документы было приказано сжечь, Кейтелю и Йодлю – отправиться в Берхтесгаден, в Альпы; на просьбу дать им оперативные распоряжения от ответил отказом. Они пробовали возразить. Гитлер, нажимая на каждое слово, повторил: "Я Берлин не оставлю ни за что". Оба на какой-то миг подума-

ли, не увезти ли им Гитлера силой, но тотчас прогнали эту мысль. После чего Кейтель направился в штаб армии Венка, находившийся в 60 километрах к юго-западу от города, — в последние оставшиеся дни эта армия все еще была предметом преувеличенных надежд. Йодль остался в бункере. Вот что он рассказывал о разговоре, состоявшемся у него с фюрером:

”Гитлер... принял решение продолжать руководить обороной, а в последнюю минуту застрелиться. Он сказал, что сам он сражаться не может из-за своего физического состояния, и не будет сражаться, ибо не хочет рисковать попасть раненым в руки врага. Мы изо всех сил старались отговорить его от рокового решения, предложили снять войска с Западного фронта и перебросить на Восток. Он сказал, что ничего из этого не получится; впрочем, пусть этим занимается рейхсмаршал. Когда кто-то из присутствующих заметил, что за рейхсмаршала уже ни один солдат больше воевать не станет, Гитлер сказал: ”Воевать! Сколько еще осталось воевать?” ...”

Казалось, он сдался. Вера в свою миссию, руководившая им с самого начала его карьеры, не всегда заметная для окружающих, но неизменная и непоколебимая, — очевидным образом надломилась. ”Он потерял уверенность в себе”, — писала подруге Ева Браун. Лишь один раз за эту ночь, когда обергруппенфюрер СС Бергер упомянул о немецком народе, который держится ”так стойко и так верно”, Гитлер снова возбудился, покраснел и стал выкрикивать бессвязные слова о лжи и предательстве. Мало помалу, однако, он успокоился и отпустил адъютанта, стенографисток, секретарш и прочих. День рождения кончился. Когда назавтра в блокированный и охваченный пламенем Берлин вновь прилетел Шпеер, чтобы лично попрощаться с фюрером, Гитлер держался с почти неестественным хладнокровием и говорил о близком конце как о желанном избавлении.

Вечером 23 апреля Геринг запросил по телеграфу из Берхтесгадена Берлин: означает ли решение фюрера остаться в столице, что вступает в действие закон от 29 июня 1941 года, по которому преемником фюрера должен стать он, рейхсмаршал Герман Геринг? Телеграмма была составлена в лояльном тоне; Гитлер выслушал ее как будто спокойно. Однако Борман, старый соперник Геринга, не замедлил разъяснить фюреру, что запрос рейхсмаршала есть не что иное как государственная измена, и Гитлер выдал один из своих самых бурных припадков бешенства. Он закричал, что Геринг — негодяй и трус, что он своим примером развратил страну, развел коррупцию в немецком государстве; назвал Геринга морфинистом и, наконец, в составленной Борманом радиogramме лишил рейхсмаршала всех должностей и званий. После этого он впал в состояние оцепенения. Окружающие слышали, как он проговорил: ”В конце концов какое мне дело. Пускай Геринг, если хочет, ведет переговоры о капитуляции. Раз война проиграна, не имеет значения, кто будет этим заниматься.”

Все резервы были исчерпаны. Гитлер был не в силах более скрывать свое бессилие и страх. Вся жизнь он нуждался в позах и умел их находить, но теперь изображать было уже некого. В отличие от своего любимца Фридриха Великого, который и в поражении сохранял способность пустить пыль в глаза окружающим, Гитлер лишился всякого самообладания. Вспышки гнева сменялись громкими всхлипываниями.

Прошло еще два дня. 26 апреля в осажденный город прибыл генерал-полковник фон Грейм, назначенный главнокомандующим военно-воздушных сил вместо Геринга:

Гитлер настоял на том, чтобы процедура назначения была совершена им лично. Грейма сопровождала знаменитая летчица Ганна Рейч. По словам Рейч, глаза Гитлера были полны слез, а лицо покрылось смертельной бледностью, когда он говорил об "ультиматуме" Геринга: "Ничего не осталось, ни верности, ни чести, — а теперь еще и этот... Худшего удара мне уже невозможно нанести". И все-таки, замечает Рейч, надежда не окончательно оставила Гитлера. В бесконечных разговорах с самим собой он вновь и вновь пытался оживить в себе какую-то веру. Поздно ночью он вызвал к себе летчицу и сказал ей, что великое дело, ради которого он жил и боролся, судя по всему, погребено, но — остается еще армия генерала Венка: она уже совсем близко. Венк прорвет кольцо и изменит ситуацию. Он вручил ей флакон с ядом, добавив: "Я все-таки еще надеюсь, дорогая Ганна. Армия Венка наступает с юга. Он должен отогнать русских, и он это делает. И спасет наш народ".

В эту ночь первые снаряды советской артиллерии уже рвались на территории Имперской канцелярии. Рухнула каменная стена сада, и бункер вздрогнул. Кое-где противник был уже на расстоянии одного километра от подземного убежища.

Решение покончить с собой было принято в ночь с 28 на 29 апреля. Около 10 часов вечера Гитлера, беседовавшего с фон Греймом, прервал слуга Линге. Только что поступило сообщение агентства Рейтер о том, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер связался со шведским графом Бернадоттом с целью начать переговоры с западными союзниками о капитуляции.

Потрясение, вызванное этой новостью, было, пожалуй, сильнее, чем все эскапады последних недель. Хотя Гитлер говорил, что худшего удара, чем измена Геринга, ему нельзя нанести, он и прежде считал Геринга оппортунистом и подозревал его в коррупции; измена эта в некотором смысле не была неожиданностью. Другое дело Гиммлер, который безустали клялся в верности фюреру и рекламировал свою неподкупность. Поведение Гиммлера означало, что рухнул некий краеугольный камень. Для Гитлера это было действительно страшным ударом. "Он бесновался, как буйнопомешанный", — свидетельствует Ганна Рейч. Тем не менее он как-то неожиданно быстро справился с собой. Гитлер заперся с Геббельсом и Борманом. Совещание было коротким. Сначала Гитлер велел допросить Фегелейна, группенфюрера СС и личного представителя Гиммлера в ставке фюрера, после чего охрана расстреляла Фегелейна в саду. Далее был вызван Грейм, которому Гитлер поручил прорваться из Берлина и арестовать Гиммлера. "Изменник не может быть моим наследником", — твердил он.

Затем он занялся собственными делами. Малый зал совещаний (находившийся рядом со спальней Гитлера) был срочно подготовлен для официальной церемонии. Из стоявшего поблизости подразделения фольксштурма был вызван мобилизованный бывший чиновник отдела записи актов гражданского состояния, некто Вальтер Вагнер, который должен был оформить брак Гитлера и Евы Браун. Геббельс и Борман были свидетелями. Обе стороны представили официальное прошение о бракосочетании ускоренным порядком, по законам военного времени. Они заявили о своем чисто арийском происхождении и отсутствии наследственных заболеваний. В протоколе отмечено, что указанные в заявлении сведения "проверены и признаны соответствующими установленному порядку". После чего Вагнер обратился к жениху и невесте со следующими словами:

”Перехожу к торжественному акту бракосочетания. В присутствии вышеназванных свидетелей (таких-то) я спрашиваю Вас, мой Фюрер Адольф Гитлер: желаете ли Вы вступить в брак с фрейлейн Евой Браун? В случае согласия прошу ответить: да.

А теперь я спрашиваю Вас, фрейлейн Ева Браун: желаете ли вы вступить в брак с моим Фюрером Адольфом Гитлером? В таком случае прошу Вас ответить: да.

А теперь, после того как оба обрученных дали свое согласие вступить в брак, объявляю именем закона брак заключенным.”

Было подписано брачное свидетельство. От волнения новобрачная начала было подсыпывать бумагу своей девичьей фамилией, затем зачеркнула букву ”Б” и написала: ”Ева Гитлер, урожденная Браун”. Все вышли в соседнюю комнату, где находились секретарши, несколько адъютантов и диетическая повариха Гитлера. Подняли бокалы и предались меланхолическим воспоминаниям о прошлом.

Из рассказов очевидцев можно сделать заключение, что все дальнейшее как бы ускользало от внимания Гитлера и совершалось помимо него. Видимо, ему хотелось, чтобы заключительный акт был инсценирован грандиозней, катастрофичней, хотелось больше пафоса, ужаса, театральности. Вместо этого все выглядело странно-беспомощной импровизацией, как будто многочисленные и чудесные перипетии его жизни не оставляли ему времени всерьез задуматься о возможности неотвратимого конца. И свадьба как пролог к двойному самоубийству — словно его пугало ложе смерти, не освященное законом, — служила предварением довольно тривиального ухода и демонстрировала, сколь жалким был этот конец, хотя бы в его собственных глазах вагнерианский мотив придавал всему действу тон возвышенно-трагического и примиряющего финала. Что бы ни связывали отныне с его именем, это был конец: конец мифа о Гитлере.

Быть может, и последующее самоубийство было чем-то большим, нежели отказом от режиссуры собственной жизни, которую он всегда ощущал как роль. Свадьба с Евой Браун была не только жестом признательности единственному существу, которое, как отметил Гитлер, оставалось верным ему до конца — вместе с овчаркой Блонди. Свадьба была и актом отречения. Он не раз заявлял, что в качестве фюрера он не имеет права быть женатым человеком: мифологический образ народного вождя не допускал обычных человеческих черт. Именно от этой претензии он теперь и отказался, и это дает нам право сделать более широкий вывод: он уже больше не верил в жизнеспособность национал-социализма. Впрочем, он так и сказал своим гостям: с идеей покончено, она больше не возродится. После этого он покинул собрание, чтобы продиктовать в соседней комнате свою последнюю волю.

Здесь было составлено завещание — политическое и личное. В первой, политической части Гитлер клеймил евреев, клялся в собственной невинности и взывал к духу сопротивления: ”Пройдут столетия, но из руин наших городов вновь возродится ненависть к тому народу, который в конечном счете несет ответственность за все и которому мы всем этим обязаны: к международному жидовству!”

Пронеслись 25 лет его головокружительной карьеры, он пережил неслыханные триумфы, за которыми последовали неудачи, отчаяние и, наконец, катастрофа. Но, как с недоумением отмечал еще в конце тридцатых годов приятель его юности Август Кубицек, Гитлер состарился, но не переменялся. Завещание чуть ли не слово в слово повторяет первый документ его политической биографии — письмо Адольфу Гемлиху, датированное 1919 годом. Любая фраза этого завещания выглядит как цитата из речей молодого демагога в какой-нибудь из мюнхенских пивных. Феномен ранней фиксации, застылости, отстранения от реального жизненного опыта — находит в этом предсмертном

манифесте свое, быть может, наиболее адекватное выражение. Особый абзац посвящен Герингу и Гиммлеру: автор завещания исключает их из партии и снимает со всех постов. Своим преемником на посту рейхспрезидента, военного министра и верховного главнокомандующего он назначает адмирала Деница. Вслед за этим в завещании говорится о том, что военному флоту присуще понятие чести, противное всякой мысли о сдаче; очевидно, это следует понимать как указание продолжать борьбу после его смерти до последнего человека. Гитлер назначил новое правительство во главе с Геббельсом: Борман — министр по делам партии, Зейсс-Инкварт — министр иностранных дел, Гислер — министр внутренних дел, Ганке — рейхсфюрер СС, Заур — министр вооружения, Шернер — главнокомандующий сухопутных сил; в числе остальных членов правительства названы Лей, Функ и Шверин фон Крозигк. Государственная часть завещания Гитлера, не содержащая ни малейших признаков политической трезвости, ни слова благодарности соратникам, но также и никаких ссылок на историческую важность момента, заканчивалась следующим пассажем:

”Прежде всего, как самое важное, я обязываю руководство нации и подчиненных неукоснительно соблюдать расовые законы и продолжать неуклонное сопротивление мировому отравителю всех народов — международному жидовству.”

Вторая, приватная часть завещания была гораздо короче. Политический раздел притязал на то, чтобы оставить неизгладимый след в истории. Из личного же документа выглядывает сын таможенного чиновника, каким Гитлер остался до конца своих дней, несмотря на все переодевания:

”Так как в годы борьбы я считал, что не могу взять на себя ответственность основать семью, я теперь, перед окончанием моего жизненного пути, решил сочетаться браком с той девушкой, которая после многих лет верной дружбы добровольно вернулась в почти осажденный город, чтобы соединить свою судьбу с моей судьбой. Она добровольно уходит вместе со мной в смерть в качестве моей супруги. Смерть заменит нам то, что отняла у нас обоих моя работа на благо моего народа. Мое имущество, поскольку оно вообще представляет ценность, принадлежит Партии. Если таковая более не будет существовать, то государству; в случае же уничтожения государства мои дальнейшие распоряжения излишни. Свои картины, приобретенные за многие годы, я собирал не для личных целей, но для устройства галереи в моем родном городе Линце¹ на Дунае; моим заветным желанием было бы, чтобы это намерение осуществилось. Моим душеприказчиком я назначаю моего вернейшего партийного товарища Мартина Бормана. Он уполномочен окончательно и в законном порядке сделать все необходимые распоряжения. Ему разрешается разделить все, что имеет ценность личной памяти или необходимо для поддержания скромной частной жизни, между моими родственниками, а также и прежде всего матерью моей жены и моими, поименно известными ему верными сотрудниками и сотрудницами, в первую очередь моими секретарями и секретаршами, которые долгие годы помогали мне своей работой.

Я сам и моя супруга, дабы избежать позора смещения или капитуляции, избираем смерть. Наша воля — быть сожженными немедленно, на том самом месте, где я совершал большую часть моей повседневной работы в ходе 12-летнего служения моему народу.”

Гитлер подписал обе части завещания в 4 часа утра 29 апреля. Были изготовлены три копии, и в течение дня делались попытки вывезти их за пределы города. Одним из

¹ Гитлер родился в городке Браунау на Инне, но провел большую часть детства в окрестностях Линца. — *Ред.*

курьеров был полковник фон Бёлов, личный адъютант Гитлера по линии ВВС. Вместе с копией завещания он должен был доставить распоряжение фюрера фельдмаршалу Кейтелю. Этот последний приказ, который здесь нет необходимости приводить полностью, заканчивался так:

”Народ и вооруженные силы в этой долгой и упорной борьбе совершили все возможное. Их жертва была огромной. Однако многие злоупотребляли моим доверием. Вероломство и измена подрывали силу сопротивления на протяжении всей войны. Вот почему мне не было дано привести мой народ к победе. Генеральный штаб армии нельзя даже сравнить с генеральным штабом в Первую мировую войну. Он оказался не на высоте тех подвигов, которые были совершены на фронте. Усилия и жертвы германского народа в этой войне были столь велики, что я не могу поверить в то, что они были напрасны. Завоевание пространства на Востоке и впредь должно оставаться целью нашего народа”.

Не раз в течение последних недель Гитлер выражал опасения, что ему придется стать ”экспонатом Московского зоопарка” либо главным действующим лицом в ”спектакле, который устроят евреи”. Эти опасения особенно усилились, когда днем 29 апреля пришло известие о конце Муссолини. Двумя днями раньше дуче был схвачен партизанами в районе озера Комо и без долгих разговоров расстрелян вместе со своей подругой Кларой Петаччи; трупы были привезены в Милан, повешены за ноги перед бензоколонкой на Пьяндале Лорето, и народ плевал на них и осыпал их камнями.

Под впечатлением от этой новости Гитлер приступил к приготовлениям к собственному концу. Своему слуге Линге, шоферу Кемпка, капитану личного самолета Бауру и другим он велел позаботиться о том, чтобы его останки не попали в руки к врагам. Все приготовления происходили в духе его всегдашней мании окутывать себя тайной и секретностью. Контраст между смертью Гитлера в его логове и финалом Муссолини, призывавшего последних оставшихся у него сторонников умереть вместе с ним ”в лучах восходящего солнца”, бросается в глаза. Вдобавок Гитлер боялся, что яд может не подействовать достаточно быстро и эффективно. Он приказал испытать снадобье на любимой овчарке Блонди. В полночь собаку заманили в уборную, фельдфебель Торнов, приставленный для ухода за Блонди, растянул ей пасть, а профессор Газе, один из врачей, находившихся в бункере, сунул в пасть щипцы с ампулой и раздавил ее. Немного спустя вошел Гитлер. С минуту он разглядывал труп собаки. После этого обитатели бункера были приглашены на церемонию прощания в конференц-зал. Молча, с отсутствующим выражением, Гитлер двигался вдоль шеренги людей и каждому протягивал руку; некоторые что-то лепетали, он не отвечал или беззвучно шевелил губами.

В начале четвертого часа ночи он распорядился послать радиограмму Деницу: упрекнул адмирала в недостаточной активности, решительно требовал ”принятия безотлагательных и беспощадных мер против всех предателей”. Конечно, это было всего лишь попыткой оттянуть конец. Из всех ”тяжелейших решений” его жизни принятое сейчас было самым тяжелым. Наступило утро. Как обычно, он выслушал доклад об обстановке. Без всякой реакции он узнал о том, что советские войска заняли территорию зоологического сада, овладели Потсдамской площадью и станцией метрополитена на Фоссштрассе в непосредственной близости от Имперской канцелярии.

Затем было велено добыть двести литров бензина. Около двух часов Гитлер пообедал в обществе секретарши и поварихи. Это был тот самый момент, когда два советских сержанта под огнем все еще сопротивлявшихся немцев водрузили на куполе Рейхстага красный флаг. Покончив с трапезой, Гитлер созвал ближайших сотрудников, в том числе Геббельса, Бормана, генералов Бургдорфа и Кребса, были приглашены также секретарши Кристиан и Юнге и несколько денщиков. Гитлер и Ева попрощались за руку со всеми и, молчаливые, согбенные, исчезли за дверью. И, словно эта жизнь, беспрестанно обставлявшаяся сценическими эффектами и как бы рассчитанная на дешевые аплодисменты, должна была завершиться еще одним безвкусным представлением, — в этот момент вдруг, как рассказывают свидетели, послышалась музыка: в столовой Имперской канцелярии наверху были устроены танцы. Очевидно, люди хотели как-то разрядить копившееся неделями напряжение. Повторные настоятельные напоминания о том, что сейчас, в эту минуту фюрер готовится к смерти, не возымели никакого действия. Было 30 апреля 1945 года, начало четвертого часа пополудни.

Что произошло дальше, выяснить в точности не удалось. По свидетельству большинства тех, кто находился в бункере и остался в живых, раздался одиночный выстрел. Сразу после этого в комнату Гитлера вошел командир эсэсовской охраны Раттенгубер. Гитлер, с залитым кровью лицом, сидел, сторбившись, на диване. Рядом с ним его жена, с неразряженным пистолетом на коленях: она приняла яд. Советские авторы считают, что Гитлер тоже отравился. Правда, имеющиеся данные указывают на то, что в окружении Гитлера делались попытки установить, кто из приближенных Гитлера мог получить от него приказ застрелить его. С другой стороны, в останках черепа, найденных на месте сожжения, признаки огнестрельного повреждения отсутствуют. Все же совокупность всех имеющихся сведений, несмотря на их противоречивость, позволяет заключить, что имело место не убийство, а самоубийство. Попытки опровергнуть этот вывод — как бы последний звук предпринимавшихся еще при жизни Гитлера стараний окончательно доказать его полное ничтожество. Как если бы моральная низость заведомо лишила его всяких сил и способностей.¹

Раттенгубер распорядился вынести трупы на двор и облить их бензином. Все обитатели подземелья поднялись наверх. Но едва только они вылезли, как огонь русской артиллерии загнал их назад в бункер. Адьютант Гитлера эсэсовец Гюнше набросил на трупы Гитлера и Евы тлеющую тряпку, пламя взвилось и скрыло их, а стоявшие вокруг по стойке "смирно" охранники отдали фашистское приветствие. Спустя полчаса труп Гитлера уже невозможно было опознать: он сгорел почти полностью. И еще в 12 часов ночи, по словам одного из свидетелей, в воздухе над садом носились клочья пепла.

История рейха и его фюрера на этом, однако, не кончилась. Двумя днями позже, после того как Геббельс, предприняв безуспешную попытку под предлогом "общего праздника 1 Мая" побудить русских вступить с ним в отдельные переговоры, покончил с собой, а Борман с оставшимися обитателями логова попытался прорваться, советские войска овладели опустевшим бункером и немедленно приступили к поискам останков

¹ Факт самоубийства Гитлера был скрыт от немецкого народа и войск, продолжавших сопротивление в Берлине. Первого мая берлинское радио сообщило, что фюрер "пал героической смертью". — *Ред.*

Гитлера. Протокол судебно-медицинского исследования от 8 мая 1945 года гласит, что найденные в саду фрагменты сильно обугленного мужского тела, "по-видимому, представляют собой труп Гитлера". Вскоре после этого появились сообщения, опровергавшие это утверждение, однако советские источники заверили, что труп удалось идентифицировать на основании исследования челюстей. В свою очередь британские власти утверждали, что, по их данным, Гитлер скрывается где-то в английской зоне оккупации. На Потсдамской конференции в конце июля 1945 г. Сталин заявил: труп отнюдь не разыскан, Гитлер жив и скрывается в Испании или Южной Америке. В конце концов Советам удалось окутать дело такой темнотой и тайной, что еще долгое время о конце Гитлера ходили самые фантастические слухи. Находились люди, которым будто бы доподлинно было известно, что Гитлер был расстрелян группой немецких офицеров на территории Зоопарка; другие считали, что он бежал на подводной лодке на отдаленный остров. Одно время снова распространился слух, будто Гитлер живет не то в испанском монастыре, не то на южноамериканском ранчо. При жизни Гитлер своими успехами был в значительной мере обязан тому или иному из своих противников; теперь вновь, в довершение всех заблуждений эпохи, то и дело находились люди, готовые вернуть ему на какое-то время мифическую жизнь после смерти.

При всей беспочвенности этих версий, утверждение, что Гитлер жив, было символическим. Оно свидетельствовало о том, что явление Гитлера, его восхождение и его триумфы имели глубокие предпосылки, выходявшие далеко за рамки собственно немецкой истории. Каждый народ несет ответственность за свою историю. Но лишь сознание, неспособное извлечь урок из несчастий нашей эпохи, сочтет Гитлера представителем одной единственной нации и откажется признать, что в нем обрела кульминацию и достигла предела мощная тенденция времени, под знаком которой стояла вся первая половина века.

Гитлер не только разрушил Германию, но и уготовил конец всей старой Европе с ее национализмами, внутренними конфликтами, традициями наследственной вражды и искусственными императивами, Европе наших отцов со всем ее блеском и величием. Быть может, он заблуждался, говоря, что Европа его "пережила". Понадобился его исключительный радикализм, его бредовое сознание своей миссии, его фантазии и, как следствие всего этого, беспримерный взрыв энергии, чтобы столкнуть эту Европу в пропасть. Но несомненно и то, что он не смог бы разрушить Европу без помощи самой Европы. ●



Советский офицер показывает английскому военнослужащему сожженные останки Гитлера и Евы Браун. Берлин, май 1945 г.



Бои в Сталинграде. 1942 г.



Командующий 6-й армией вермахта генерал-фельдмаршал Ф. фон Паулюс, взятый в плен 31 января 1943 г. в Сталинграде



Высадка американского десанта в Нормандии на рассвете 6 июля 1944 г.



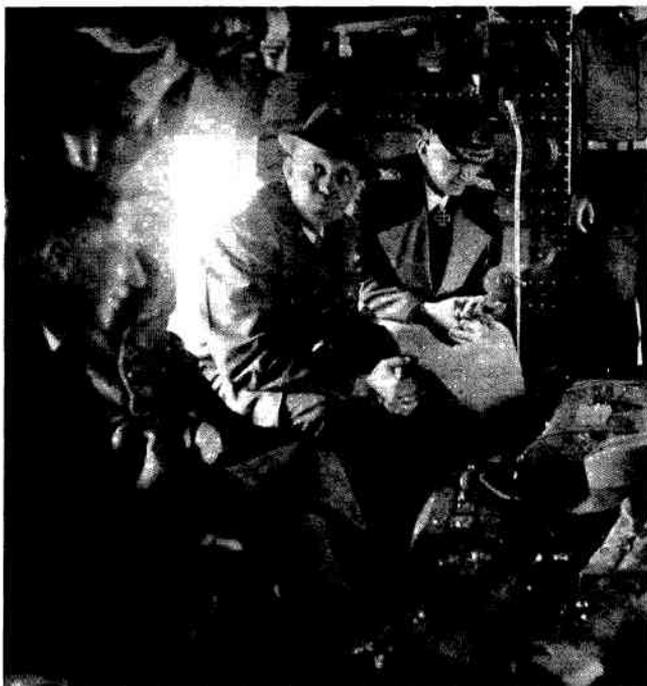
Союзный Контрольный совет – главнокомандующие четырьмя зонами оккупации Германии:
фельдмаршал виконт Б. Монтгомери Аламейнский (слева), Маршал Советского Союза
Г. К. Жуков, генерал армии Д. Эйзенхауэр, генерал Ж. де Латр де Тассиньи.
Потсдам, июль 1945 г.



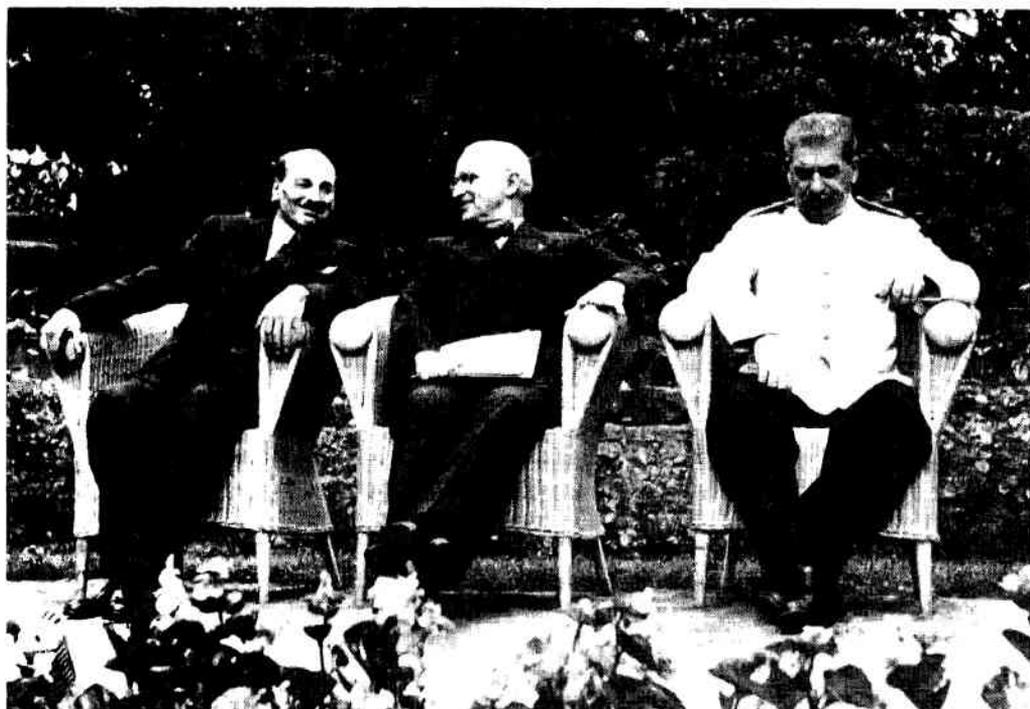
Налет англо-американской авиации на Южную Германию (Швейнфурт, февраль 1944 г.)



Капитуляция. Отряд 14-летних подростков. Апрель 1945 г.



Май 1945 г. Арестованные члены нацистского правительства в самолете, направляющемся в Люксембург



Июль 1945 г., Потсдам. К. Эттли, Г. Трумэн, И. Сталин в саду перед замком Цецилиенгоф